

Китайские народные сказки

Девица-камп

Есть в горах Ишань огромный водопад, издали посмотришь, кажется, будто вода прямо с синего неба падает. Сверкает серебром, искрится бурлящий поток, в долину катится. А из долины течет в большой залив. Вода в заливе — старая тушь, черно-зеленая, глубина в нем — дна не разглядишь. А за заливом глубокое ущелье, тянется ущелье на несколько десятков ли, змеей вьется. В том месте, где оно пошире, деревушка стоит. В той деревушке жил в старину бедный юноша по прозвищу Вань-шоу.

Отец с матерью у него давно умерли, был один дядя, материн брат, да и тот в другой деревне жил. Юноша редко его навещал, только по праздникам. Нанялся Вань-шоу в чужую деревню пастухом коров пасти. Как уйдет в горы со стадом, так и живет там, только за едой с гор спускается. И не скучно ему без людей.

В полдень, только коровы наедятся досыта, бежит Вань-шоу на крутой горный склон. Прибежит, схоронится за куст рододендрона и ждет. Вскорости из черно-зеленой воды всплывает сцена. Звучат гонги, гремят барабаны, с гулом водопада спорят. А юноше из-за куста все хорошо видно. И как старик мелкими шажками по сцене семенит, и как военный герой перекувырнется через голову и выскочит на сцену. Но вот наконец появляется молодая женщина. Походка у нее — быстрое течение реки. Голос — звон золотых бокалов, переливы серебряных колокольчиков. Он звучит в сердце Вань-шоу. Поет женщина о печальном — юноше плакать хочется, поет о радостном — юноша смеяться готов.

И вот однажды женщина пела особенно хорошо, ее голос становился все звонче и звонче и вдруг весенним жаворонком взмыл в самую высь. Не стерпел тут Вань-шоу, выглянул из-за куста, хлопнул в ладоши и как закричит:

— Ай-я!

Вмиг смолкли гонги и барабаны, девушка исчезла, сцена ушла под воду. А по заливу волны пошли — словно буря на море разбушевалась. Юношу с ног до головы водой окатило, того и гляди, захлестнет. Уцепился он за куст, ухватился за дерево, залез на самую вершину горы. Обернулся — куда, только волны подевались? Тишина да покой в заливе. Только с той поры не видел больше юноша того дива дивного.

Настала зима. На лугах высохли травы буйные, в небе закружились, заметались снежинки белые. Хозяева скотину вею домой угнали. И вот наступил третий день Нового года. Отправился Вань-шоу своего старого дядю проведать. Видит дядя — вырос племянник, радостно ему и печально. — Пора бы, — говорит дядя, — и о невесте подумать, да кто тебе, бедняку, дочь в жены отдаст? Сказал так дядя, слезу уронил. Тяжко стало Вань-шоу, камень ему на сердце лег, и думает юноша: нельзя дядюшке огорчаться, старый он. Да как его утешить? Вдруг мысль одна пришла в голову юноше. Прикинулся он, будто рад-радехонек, и говорит:

— Не печалься, дядюшка, жену я себе нашел, вчера в дом привел, вот и поспешил к тебе с радостной вестью.

Услыхал это старик, не стал спрашивать, правда это или неправда, хлопнул племянника по плечу и говорит:

— Оказывается, смекалки да ума тебе не занимать. Не зря я на тебя надеялся. Вот счастье-то! А как бы мать обрадовалась, коли б дождала!

Собрался юноша домой, дядя его за ворота провожает и говорит:

— Один ты у меня в целом свете, никакой родни больше нет, так что хочешь не хочешь, а вскорости я к тебе в гости нагряну, племянникову жену поглядеть хочу.

Испугался Вань-шоу и отвечает дядюшке:

— Лучше не ходи! Лет тебе много, а дорога в горах трудная!

Не поддается старик на уговоры, на своем стоит:

— Легко, что ли, было тебе жену добыть? Пусть шаг мой в три пальца длиной будет, все одно приду!

Воротился юноша домой, тяжело у него на душе: скоро придет к нему его старый дядюшка, что он ему скажет, что покажет? В доме у него только ветер гуляет! Узнает дядюшка, что он неправду сказал, рассердится да опечалится. Как же быть? Думал он, думал и придумал. Взял коромысло, повесил на него две корзинки, пошел на реку. Набрал глины, наполнил корзинки и грустный такой говорит сам себе:

— Не ведаешь ты, дядюшка, что племянник твой тебя обманул. Не знаешь, что радость твоя пустая.

Говорит так Вань-шоу, а слезы сами из глаз капают. Принес он глину домой, вылепил куклу, лицо ей мукою посыпал, чтоб белым было, нарисовал брови, длинные, в разлет, маленький рот чуть приоткрытый, вот-вот, кажется, заговорит кукла, просверлил два глаза, — глядят, будто живые. Смотрит Вань-шоу на куклу, тяжело вздыхает. И ладная она и красивая, а все равно кукла, не человек.

Шестого дня первого месяца ровно в полдень постучался в ворота дядюшка. Аж пот прошиб юношу, на лбу испарина выступила. Но в спешке, как говорится, без смекалки пропадешь. Схватил юноша куклу, на кан положил, подушку ей под голову подложил, сверху одеялом прикрыл и побежал ворота отворять. Вошел дядюшка, веселый такой, по сторонам посматривает, ищет — нигде не видать племянниковой жены. Только хотел про нее спросить, а племянник скамейку ему пододвинул и говорит:

— После дальней дороги первым делом отдохнуть надобно.

Только уселся старик, а Вань-шоу опять суетится:

— Поди, жажда тебя одолела. Я пойду, мигом воды вскипячу. Не успел дядюшка и слова вымолвить, а Вань-шоу уже за хворостом убежал.

Воротился, вскипятил воду, напоил дядю и опять куда-то умчался. Уж очень хотелось ему чем-нибудь вкусным попотчевать дядюшку, да ничего у него не было, ни горстки лука, ни кореньев. Стыдно юноше, стоит он перед дядюшкой, не знает, что делать. А дядя отхлебнул кипятку и поставил чашку на место. Сразу приметил, что не в себе племянник, и говорит:

— Давненько я у тебя сижу, а жены твоей так и не видел. Ну-ка кликни ее, пусть потешит меня, старика!

Пуще всего боялся юноша этих слов. Отвечает он дяде:

— Хворает у меня жена. Уже который день с постели не встает!

Услыхал это дядюшка, опечалился, будто сам захворал, а может, сильнее, не стал кипяток пить, с места вскочил и говорит племяннику:

— Что ж ты раньше мне не сказал? Я пошел бы да проведаль ее! Сказал он так и пошел в комнату, где кукла лежала. Вань-шоу вперед дядюшки забегает, подошел к кану и говорит:

— Дядюшка тебя проведать пришел, поднимись, коли сил достанет.

Смотрит старик: одеяло — будто мешок набитый, значит, есть под ним кто-то. Поверил он, что жена племянника и впрямь захворала, спрашивает:

— Полегчало тебе, доченька?

Кто бы мог подумать, что после этих слов чудо приключится. Одеяло зашевелилось и женским голосом отвечает:

— Полегчало, дядюшка, да ты садись, пожалуйста!

Испугался Вань-шоу, руку от одеяла отдернул. «Как же так? — думает. — Сам глиняную куклу под одеяло клал, а она возьми да и заговори!»

Женщина тем временем села в постели, откинула с ушей волосы и говорит юноше с укором:

— Что же ты за человек такой! В кои-то веки дядюшка старенький к нам пожаловал, а ты разбудить меня боишься, будто я и впрямь занемогла. А чем, скажи, будешь гостя потчевать? Видит дядюшка — сидит на кане племянникова жена жива-здоровая. Собою ладная, речи складные. Радостно старику, будто цветок у него в сердце расцвел.

И говорит дядюшка:

— Сыт я, невестушка, ничего мне не надо. Лежи да отдыхай.

А у юноши сердце скачет, колотится. Будто встречал он эту женщину где-то, только никак не припомнит где. А женщина опять ему говорит:

— Нелегкий да неближний путь прошел дядюшка, пока сюда добрался. Как же его не накормить? Ты здесь сиди, а я стряпать буду.

Женщина мигом соскочила с кана и пошла в соседнюю комнату. Старик рад, на кан забрался, а у племянника, как говорится, сердце семь раз вверх подпрыгнуло, восемь раз вниз упало. Ведет он с дядей разговор, а сам слушает, что делается в соседней комнате, ни звука не пропускает. Вот застучал по доске нож: тук-тук. Вот огонь в печи раздувать стали. Будто и времени совсем мало прошло, вносит женщина пельмени, пар от них так и валит, так и валит. Пуще прежнего дивится юноша: из чего же это она пельмени сделала?

Поел дядюшка и веселый домой пошел. Проводил его Вань-шоу, воротился, смотрит — женщина в доме сидит, его дожидается. Теперь-то уж он все у нее выведает.

Спрашивает юноша:

— Кто ты, скажи мне наконец!

Опечалилась женщина, подняла руку, показала пальцем под стол и говорит:

— Может, померещилось мне, что там глиняная кукла?

Заглянул юноша под стол, а там мешок валяется. Посмотрел в мешок, а в мешке и в самом деле кукла!

Вздохнула тут женщина, да так печально, и говорит:

— Прежде мы чуть не каждый день с тобой встречались. Неужели не признал меня?

Вспомнил тут Вань-шоу. Да ведь это та самая женщина, которая на сцене тогда пела. И чудно ему и радостно. А женщина поглядела на Вань-шоу и холодно так говорит:

— Не ломай ты себе головы, я всю правду тебе скажу. Знаешь, кто я? Карп-оборотень! Незавидная мне выпала доля. Живу одна-одинешенька, ни одного родного существа нет рядом, а хозяйка моя, черная черепаха, с малолетства заставляет меня пеньем ее ублажать. Не спросит, здорова ль я, больна ли, в любое ненастье на сцену гонит. Несколько дней назад отправилась куда-то черепаха поразвлечься. Дай, думаю, поплыву по течению. Поплыла и добралась до вашей деревушки. Слышу — горюешь ты да убиваешься, вот и решила тебе помочь, а за одно и дядюшку твоего утешить.

Понял наконец Вань-шоу, что приключилось, застыдился, покраснел и спрашивает:

— Уйдешь ты от меня или останешься?

Впервые счастье привалило юноше. Но настало утро, опустила женщина голову и горько заплакала.

Спрашивает юноша, да так ласково:

— Тебе бедность моя не по нраву?

Пуще прежнего заплакала женщина и говорит:

— Не вольна я над собой! Воротится домой черепаха, хватится меня, так и к тебе ненароком заявиться может. О себе я не пекусь — пусть бьет, пусть ругает. За тебя страшно. Не хочу я, чтоб ты из-за меня страдал.

Услыхал это Вань-шоу, потекли у него из глаз слезы. А женщина помолчала и говорит:

— Не горюй, Вань-шоу, не убивайся. Мы еще с тобой свидимся. Коли вспомнишь про меня, приходи к заливу, зайди за большой черный камень, трижды хлопни по тому камню легонько, я

мигом выйду.

Сказала она так и тотчас же все слово в слово повторила, как бы Вань-шоу чего не пропустил. Потом тихонько к дверям пошла. Вышла за ворота, оглянулась, оборотилась струйкой голубого дыма и с ветром умчалась.

День прошел, другой пролетел. Отправился Вань-шоу к заливу. Спустился с крутого берега, смотрит — и впрямь черный камень в рост человека стоит. Сверху мох зеленый на нем, внизу цветы пестреют — мотыльки разноцветные. Юноша трижды легонько по камню хлопнул, как женщина его та научила. Исчез камень. А на его месте не то дверца, не то окошко, черным лаком крытое. Отворилось окошко, смотрит юноша — женщина из него вышла, рукой машет, велит Вань-шоу тишком да молчком в окошко лезть. Послушался Вань-шоу, влез в окошко. А там хоромы высокие да просторные. Провела женщина юношу в тесную темную каморку и тихо так говорит: — Это мое жилище. А в тех хоромах черепахи живут. К хозяйке гости нынче пришли. Скоро меня петь позовут, так ты здесь обожди. Что бы ни приключилось, окон не отворяй, дверей не открывай, во двор не гляди.

Тут зазвенели гонги, загремели барабаны, женщина убежала и дверь за собой затворила. Немного спустя, слышит Вань-шоу, представление началось. Гонги да барабаны все небо сотрясают, потом хуцинь* заиграл, ему стали вторить медные пластины гонга, и наконец раздалось нежное пение женщины. Не стерпел Вань-шоу, чуть окошко приоткрыл и думает: «Ничего не случится, коли я совсем его открою». Но только отворил он окошко, как послышалось: «Хуа-ла» — и голос, подобный грому, спросил:

— Что за чужак ко мне во двор забрался?

Вань-шоу аж подскочил с перепугу, бросился затворять окошко, да поздно. Стихли гонги, умолкли барабаны, только шум да крики слышатся. Подошла тут женщина, взяла Вань-шоу за руку и вывела наружу. Смотрит он — кругом одна вода, а за ним целая свора каких-то существ с длинными копьями да батогами гонится. Вдруг женщина как толкнет Вань-шоу. И почувал он под ногами твердую землю. А женщина ему кричит:

— Беги, Вань-шоу, быстрее беги!

Пробежал он немного и очутился у большого камня на самой вершине горы, посмотрел вниз, а долину чуть не всю водой затопило, волны по ней ходят. Вдруг заметил юноша — женщину какой-то черномордый зверь под воду утащил.

На другой день вода в долине начала убывать. А залив из черно-зеленого бирюзовым стал, солнышко своими лучами его осветило. Смотрит Вань-шоу — в волнах большой золотистый карп плавает, длиной эдак в пять чи с лишком. Сколько раз после этого ходил Вань-шоу к заветному черному камню, хлопал по нему легонько, никто не откликнулся. Так и не видел больше Вань-шоу той женщины.

Рассказывают люди, будто Вань-шоу отомстил за женщину-карпа, только истории этой я что-то не помню. Одно я вам скажу: черепахи в том заливе перевелись, в чистой прозрачной воде резвятся только большие золотистые карпы.

* Хуцинь — смычковый струнный инструмент.